

© 2003 г. Вяч.Вс. ИВАНОВ

О ПОСЛЕДНЕЙ СТАТЬЕ ХЕНРИКА БИРНБАУМА

Писать об умерших друзьях и товарищах по науке тяжело. Редакция "Вопросов языкознания" облегчила мне трудную задачу, решив поместить в знак уважения к памяти крупного ученого его последнюю статью в русском переводе (английский оригинал печатается в текущем номере "International Journal of Slavic Linguistics and Poetics", редактор которого Д. Уорт одобрил публикацию русского перевода). Прощаясь с Хенриком, мы смотрим не назад, а вперед – в те области, которыми он стал заниматься в самые последние годы. О лингвистических достижениях Бирнбаума и его пути в науке для нашего журнала я пишу отдельно. Здесь я хочу ограничиться несколькими мыслями, относящимися к его последней статье.

Из трех групп языков – славянской, тохарской и алтайской, – которым посвящена статья, Бирнбаум всю жизнь занимался первой. Но и по отношению к ранней истории славян и их языков Бирнбаум в этой работе не повторяет старых мыслей, а высказывает новые, в особенности по поводу проблемы возможного типологического влияния алтайского на славянский, а также в связи с книгой Галтона, вышедшей незадолго до того, как Хенрик начал писать свою статью. Быть может, не со всем из им утверждаемого можно согласиться. Еще продолжится спор о славянском "слоговом сингармонизме"¹. Сравнение с другими языками, о которых идет речь в статье, в любом случае окажется полезным для всестороннего изучения вопроса.

К тохарским языкам Бирнбаум обратился в самые последние годы научной деятельности. Мне это представляется крайне интересным для понимания его как ученого. Он совершенно не хотел довольствоваться тем, что знал и делал до этого. Он увлекся вполне новой областью и собирался изучить ее основательно, проштудировал новейшее руководство Пино и стал читать специальные работы о тохарском и его соотношении с другими индоевропейскими диалектами. Он хотел понять, в какой мере оправдано мнение об особых явлениях, объединяющих тохарский со славянским. Перед нами только первый набросок того, что могло бы дать продолжение только что им начатого. Болезнь в конце 1998 г. прервала работу ученого, который не полностью мог позднее исправить статью и сделать необходимые дополнения. Поэтому к статье приложены примечания, сделанные ее переводчиками – С. Бурлак и И. Иткиным – вместе со мной. С согласия вдовы покойного в текст внесены незначительные редакционные изменения.

Сравнительное языкознание выгодно отличается от подавляющего большинства других гуманитарных наук и сближается с областями точного знания благодаря возможности "фальсификации" (термин Карла Поппера, чью философию Бирнбаум высоко ценил) или проверки выводов, сделанных до открытия соответствующих экспериментальных данных. Это оказывается достижимым потому, что все время открывают или новые языки или неизвестные ранее факты уже изучавшихся язы-

¹ Иной взгляд на эти спорные вопросы, в частности, в связи с проблемой типологических параллелей с древнетюркским и тохарским, см. [Иванов 2002: 12–13; Литвинский 1992: 29, 226–227].

ков. По отношению к тохарским языкам новые открытия приходят благодаря не только новым археологическим находкам (по поводу тохарского А об этом говорится в статье), но по мере обнаружения и интерпретации ранее не поддававшихся полной дешифровке оригинальных (не переводных) текстов. В случае тохарского Б особенно много нового дает исследование деловых документов из монастырей Китайского Туркестана (в том числе и из хранящихся в бывшем Азиатском Музее Санкт-Петербургских собраний Петровского – русского консула в Кашгаре, открывшего первый тохарский текст, и Березовского [Литвинский 1992: 266–267]), начатое еще полвека назад Зигом и Воробьевым-Десятовским и недавно продолженное М.И. Воробьевой-Десятовской, Ж. Пино и Клаусом Т. Шмидтом. Их работы сделали возможным использование для сравнения обыденных повседневных слов, добавившихся ко множеству известных ранее отвлеченных буддийских терминов, употребляемых в обоих тохарских языках в переводах или переложениях текстов, написанных на буддийском гибридном санскрите.

Из недавних открытий приведу сделанные Клаусом Шмидтом в области тохарских Б названий "зерна". Как замечает Шмидт, мн. ч. ж. р. *proksa* с этим им установленным значением явно родственно праславянскому **proso* "просо" (< рус. *просо*) [Schmidt 1999: 4], история которого до этого открытия была загадочной. Поскольку в праславянском сочетании велярного **k + *s > x/š*, в этом слове на основании вновь найденного тохаро-славянского соответствия оказывается нужным реконструировать сочетание палатального **k' + s > *-ss- > -s-*.

Промежуточный этап подобного развития сохраняется в древнепрусском, поэтому в этом языке название "проса" *prassan* может быть исконно родственным славянскому, а не польским заимствованием, как полагали ранее. Соотношение тох. Б *proksa* : рус. *просо* . прус. *prassan* полностью аналогично упоминаемому в статье Бирнбаума соответствию: тох. Б. *laks* "рыба" . рус. *лосось* : прус. *lasasso*². В этом семантическом поле есть и другие яркие (балто-)славяно-тохарские параллели, как, например, однотипное образование названия "хлеба, зерна" от глагола "жить" (рус. *жи-то*, прус. *gei-ts*, тохарск. Б *sā-tre*). Кажется возможным, что при увеличении количества и жанрового разнообразия тохарских текстов число таких случаев может вырасти.

Не только новые открытия тохарских текстов и форм, но и другие достижения индоевропеистики проливают свет на обсуждаемые в статье вопросы. По мере уточнения данных о других индоевропейских диалектах, обнаруживающих далеко идущие сходства с тохарским, становятся яснее обсуждаемые Бирнбаумом проблемы места тохарско-славянских связей. Так, подтверждение значимости в лувийско-лийском притяжательных форм прилагательных на **-sk⁻³* (именной суффикс, другие функции которого изучаются с точки зрения тохаро-славянских соответствий в работе Бирнбаума) позволяет думать о наличии целой группы диалектов, где (как полагал по отношению к старославянскому посвятивший этому особую статью Трубецкой) формы с этим суффиксом втягиваются в парадигму именного склонения, выступая в роли синонима заменяемого ими родительного падежа.

² Кажется возможным продолжить это сопоставление как отвечающее тохарскому Б слову для "рыбы" название "лосося" есть и в германском (нем *Lachs*), тохаро-балто-славянский термин для "зерна, проса", вероятно, связан с другим земледельческим словом – обозначением "борозды" в германском (нем *Furche*, англ *farrow*), кельтском (валлийск. *rhych*) и итальянском (лат *porca* "земля между двумя бороздами"), см. об этом слове как "западноиндоевропейском" в книге Порцига об индоевропейских диалектах, которую Бирнбаум любил и многократно использовал в публикуемой статье [Порциг 1964: 187, пункт 6]

³ О сходстве со славянскими тохарскими форм прилагательных с этим суффиксом, имеющих похожее притяжательное значение, высказывались давно такие крупные тохароведы, как Краузе [Литвинский 1992: 9]

Исключительно плодотворным представляется развитие идеи соотношения родства и типологической характеристики языков, рассмотренное Бирнбаумом в последней части работы, где речь идет о типологии алтайского в связи со славянским (и отчасти другими евразийскими). Уже в самые последние годы, когда автор статьи тяжело болел, появились новые публикации, стремящиеся к ранее недостижимому синтезу этих двух подходов к сравнению языков на материале тех языков (в широком смысле слова евразийских), которые использует и Бирнбаум [Marcantonio 2002; Kunnap 2000]. В России более семидесяти лет назад о взаимопроникновении типологии и сравнительно-исторического изучения языков убедительно говорил Е.Д. Поливанов (в частности, в своих пионерских работах об алтайском характере корейского и некоторых составных частей японского языка); в этом духе много интересных идей было высказано нашими лингвистами (такими, как С.Д. Кацнельсон) и позднее. Со сходных позиций Трубецкой наметил новый подход к индоевропейским смычным, позднее развитый в глоттальной теории, с которой не соглашается Бирнбаум (дискуссия вокруг нее продолжается, потому что открыты факты, говорящие как будто в ее пользу, – такие, как данные армянских диалектов [Fleming 2000], с одной стороны, и древнеегипетско-индоевропейские соответствия [Kammerzell 1999], с другой). Все больше новых работ идет в направлении установления сходств как в типе языка, так и в системе фонем и морфов, отождествляемых по происхождению.

Кажется вероятным, что на этом пути осуществимо то соединение традиционных методов компаративистики с типологией, о котором вслед за Якобсоном мечтали такие наиболее проникательные лингвисты старшего поколения, как Бирнбаум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов 2001 – Вяч Вс. Иванов Хеттский язык. Второе дополненное и исправленное изд. М., 2001.
- Иванов 2002 – Вяч Вс. Иванов Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему // Языкознание: взгляд в будущее / Под ред. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Литвинский 1992 – Б.А. Литвинский (ред.). Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.
- Порциг 1964 – В. Порциг Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
- Fleming 2000 – H.C. Fleming Glottalization in Eastern Armenian // The Journal of Indo-European studies. V. 28. № 1, 2. 2000.
- Kammerzell 1999 – F. Kammerzell Glottaltheorie, Typologie, Sprachkontakte und Urverwandtschaft // IF Bd. 104. 1999.
- Kunnap 2000 – A. Kunnap Contact-induced perspectives in Uralic linguistics // LINCOM Studies in Asian Linguistics. 39. 2000.
- Marcantonio 2002 – A. Marcantonio The Uralic language family. Facts, myths and statistics // Publications of the Philological Society. 35. Oxford; Boston, 2002.
- Schmidt 1999 – T. Schmidt Beobachtungen zur tocharischen Landwirtschaftsterminologie // Die Sprache. Bd. 41. 1999. Hf. 1.